

DOI: 10.12731/2218-7405-2013-9-62

УДК 159.923:316.6

ВЫРАЖЕННОСТЬ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ И ПАТРИОТИЧЕСКОЙ САМОИДЕНТИЧНОСТИ КАК ТИПООБРАЗУЮЩИЕ ПОКАЗАТЕЛИ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДЕЖИ

Муращенко Н.В.

Представлены результаты эмпирического исследования, направленного на проверку гипотезы о существовании типов гражданской идентичности, обусловленных различными сочетаниями выраженности экстремистской и патриотической самоидентичности, и предположения о различиях этноидентичности представителей данных типов. Выборка исследования: молодые люди-жители Смоленска и Смоленской области, относящие себя к представителям русского этноса и не имеющие опыта участия в экстремистских организациях. Эмпирическое исследование проводилось в форме очного анкетирования. Использовались психодиагностические методики: шкалы, диагностирующие определенность и валентность этноидентичности, выраженность межэтнической интолерантности (Н.М. Лебедева, А.Н. Татарко), опросник «Типы этнической идентичности» (Г.У. Солдатова, С.В. Рыжова) и авторская шкала для оценки выраженности экстремистской и патриотической самоидентичности. Математическая обработка проводилась в программе Statistica 6.0 (методы описательной статистики, Н-критерий Краскела-Уоллиса, U-критерий Манна-Уитни). В результате исследования обнаружены 5 типов гражданской идентичности. Самые многочисленные: «патриот-неэкстремист» и «колеблющийся патриот-неэкстремист». Типы «патриот-колеблющийся экстремист», «непатриот-неэкстремист» и «колеблющийся патриот-колеблющийся экстремист» пред-

ставлены значительно меньшим количеством респондентов. Выявлены и описаны различия параметров этнической идентичности у представителей выделенных типов. Обоснована нормативность типа «патриот-неэкстремист». Результаты исследования могут быть использованы при разработке региональных и федеральных программ по профилактике экстремизма и совершенствованию системы патриотического воспитания, при подготовке специалистов по работе с молодежью, в диагностической, психопрофилактической и психокоррекционной работе.

Ключевые слова: экстремистская самоидентичность, патриотическая самоидентичность, типология, патриот-неэкстремист, патриот-колеблющийся экстремист, колеблющийся патриот-неэкстремист, колеблющийся патриот-колеблющийся экстремист, непатриот-неэкстремист, определенность и валентность этнической идентичности, типы этнической идентичности.

LEVEL OF EXTREMIST AND PATRIOTIC SELF-IDENTITY AS TYPICAL INDICATORS OF CIVIL IDENTITY OF YOUTH

Murashchenkova N.V.

Results of the empirical research directed on check of a hypothesis of existence of types of civil identity, caused by various combinations of level of extremist and patriotic self-identity, and the assumption of distinctions of ethnic identity of data of groups are presented. Residents of Smolensk and Smolensk region of the Russian nationality without experience of participation in the extremist organizations took part in research. Empirical research was conducted in the form of questioning. Techniques of psychological diagnostics were used: scales of definiteness, scales of valency of ethnic identity and scales of level of an interethnic intolerance (N. M. Lebedeva, A.N.Tatarko), a questionnaire "Types of ethnic identity" (G.U.Soldatova, S.V.Ryzhova) and author's scale of level of extremist and patriotic self-identity.

Mathematical processing was executed in program the Statistica 6.0 (methods of descriptive statistics, Kruskal-Wallis test, Mann-Whitney U-test). As a result of research 5 types of civil identity are found. The most numerous types: «patriot-no extremist» and «the fluctuating patriot-no extremist». Other types («patriot-the fluctuating extremist», «no patriot-no extremist» and «the fluctuating patriot-the fluctuating extremist») aren't numerous. Distinctions of ethnic identity of the revealed types are described. The type «patriot-no extremist» is norm of civil identity. Results of research can be used for regional and federal programs of prevention of extremism and improvement of system of patriotic education, at training of specialists for work with youth, in psychological diagnostics, psychological prevention and psychological correction.

Keywords: extremist self-identity, patriotic self-identity, typology, patriot-no extremist, patriot-the fluctuating extremist, the fluctuating patriot-no extremist, the fluctuating patriot-the fluctuating extremist, no patriot-no extremist, definiteness and valency of ethnic identity, types of ethnic identity.

Введение. Актуальность и значимость исследования идентичности граждан отмечалась ранее и отмечается сегодня многими учеными [2; 7; 12; 14; 15; 16; 19; 20; 21; 22]. Анализ структуры и содержания идентичности современного человека позволяет получить ответы на многие вопросы относительно тенденций, механизмов и факторов развития современного общества. Гражданская идентичность (ГИ) часто рассматривается в психологических исследованиях как синоним национальной и этнической идентичности. Некоторые ученые отмечают возможность совмещения идентичности гражданской и этнической, указывая, однако, на противоречивый и сложный характер подобной интеграции [7].

Перспективным, на наш взгляд, является рассмотрение этнической и гражданской идентичностей как связанных, но не тождественных явлений, и изучение гражданской идентичности сквозь призму сочетания патриотической и

экстремистской самоидентичности личности. Экстремистские и патриотические самопредставления, являясь значимыми компонентами ГИ, определяют отношение человека к государству, народу, обществу, формируя определенный тип гражданской направленности (програжданской или антигражданской) и готовность личности действовать тем или иным способом. Изучение степени выраженности экстремистской и патриотической самоидентичности современной молодежи и связанных с ними психологических характеристик является актуальной проблемой исследования социальной психологии. Особенно важен, на наш взгляд, анализ различных сочетаний выраженности данных типов самоидентичности.

Проблематика исследования экстремистской и патриотической самоидентичности не является для психологии традиционной, как и проблематика исследования патриотизма и экстремизма в целом. Чаше сквозное упоминание понятий *экстремистская и патриотическая идентичность* встречается в работах философов, педагогов, социологов, политологов [1; 4; 10; 18], эмпирических же психологических исследований, направленных на изучение степени выраженности данных типов самоидентичности и вариантов их сочетания, нет. Во многом это объясняется неоднозначностью трактовки понятия «*идентичность*», отсутствием в психологической литературе определения терминов *экстремистская и патриотическая самоидентичность* и неразработанностью методического инструментария для оценки выраженности данных феноменов на уровне личности. При этом, практика заставляет признать тот факт, что патриотизм и, к сожалению, экстремизм прочно вошли в жизнь современного человека, данные явления стимулируют развитие социальных представлений соответствующей направленности и выступают «объектами» для идентификации. Соответственно экстремистская и патриотическая самоидентичности как Я-представления о себе – члене соответствующего социального сообщества, присутствуют в сознании (в латентном или актуальном состоянии) каждого совре-

менного человека. Каждый сегодня, на наш взгляд, способен ответить на вопрос, насколько он ощущает себя экстремистом и/или патриотом.

Многие ученые указывают на двойственность понимания и оценки патриотизма современными россиянами (*здоровое чувство патриотизма* или *шовинизм как патриотизм*) [5; 9], что формирует различное отношение и различную когнитивную, эмоциональную и поведенческую наполняемость данного социально-психологического феномена на личностном уровне. Одни рассматривают патриотическое воспитание как средство превентивного противодействия экстремизму, другие (чаще всего сами экстремисты) ссылаются на патриотизм как мотивационную основу реализуемых насильственных действий. При этом для тех и других наполняемость содержания термина «патриотизм» будет различной. Для нас в данном случае важен сам факт подтверждения присутствия в сознании действующих экстремистов и экстремистски настроенных граждан представлений о собственной патриотичности. Таким образом, наблюдаемая в экстремистски ориентированных СМИ, на соответствующих митингах и акциях пропаганда молодежного экстремизма как своеобразной формы проявления патриотизма еще раз подтверждает значимость исследования экстремистской и патриотической самоидентичности в совокупности. При этом изучение самоидентичности обычной молодежи, на наш взгляд, является не менее значимой задачей социальной психологии, нежели исследование самопредставлений действующих экстремистов.

Итак, рассмотрение гражданской идентичности личности, на наш взгляд, будет неполным без обращения к патриотической самоидентичности граждан в сочетании с оценкой степени выраженности их экстремистской самоидентичности. Данный подход позволит дифференцированно, более точно описать и оценить существующие в современном обществе гражданские настроения молодежи. А анализ психологических особенностей молодежи с различным сочетанием выраженности экстремистской и патриотической самоидентичности поможет содержательно наполнить область исследования ГИ, глубже понять

психологические детерминанты гражданских настроений молодого поколения, внесет вклад в понимание причин возникновения програжданской и антигражданской направленности, позволит наметить пути профилактики и коррекции с учетом психологических ресурсов личности.

Таким образом, вопросы о возможности выделения типов ГИ, обусловленных различными сочетаниями выраженности экстремистской и патриотической самоидентичности, о сходстве и различии психологических особенностей представителей данных типов, обусловили направление нашего эмпирического исследования.

Подготовка и проведение эмпирического исследования.

Целью эмпирического исследования стала проверка предположения о наличии типов гражданской идентичности молодежи, обусловленных сочетанием различной степени выраженности экстремистской и патриотической самоидентичности, как типобразующих показателей; выявление сходств и различий в особенностях этнической идентичности представителей выделенных типов.

Гипотезы исследования:

1. Сочетания различных уровней выраженности экстремистской и патриотической самоидентичности могут являться критериями, позволяющими эмпирически выделить различные типы гражданской идентичности молодежи.

2. Представители различных типов гражданской идентичности, выделенных на основе сочетания выраженности экстремистской и патриотической самоидентичности, имеют различия в определенности и валентности этнической идентичности, а также в уровне выраженности межэтнической интолерантности и таких типов этноидентичности, как этнонигилизм, этническая индифферентность, позитивная этноидентичность, этноэгоизм, этноизоляционизм, этнофанатизм.

Выборку исследования составили молодые люди в возрасте от 18 до 27 лет ($M = 21,66$ и $SD = 2,79$), постоянно проживающие в Смоленске и Смоленской области, относящие себя к представителям русского этноса и не имеющие

опыта участия в экстремистских организациях (314 человек, из них 157 мужчин и 157 женщин).

Рассматривая экстремистскую и патриотическую самоидентичности как Я-представления о себе как члене соответствующей социальной группы, для эмпирической оценки степени выраженности данных представлений мы сформулировали закрытые вопросы: «Насколько Вы ощущаете себя экстремистом?» и «Насколько Вы ощущаете себя патриотом?» (с пятибалльной шкалой оценок: 1 – совсем не ощущаю, 2 – ощущаю, но очень слабо, 3 – иногда ощущаю, а иногда – нет, 4 – ощущаю почти всегда, 5 – ощущаю в полной мере). Таким образом, определяя степень выраженности экстремистской и патриотической самоидентичности, мы фиксировали *осознаваемый личностью уровень самоощущения себя экстремистом или патриотом*.

При формулировании вопросов мы учитывали установленный Х.Тэшфелом в ходе экспериментов феномен, обозначенный как «минимальная групповая парадигма», утверждающий, что для индивида достаточно минимального ощущения себя членом группы для того, чтобы он начал идентифицировать себя с ней [2]. К тому же обоснованность и валидность изучения самоидентичности личности с помощью вопросов, сформулированных с использованием термина «самоощущение», согласуется с выводами отечественных психологов, указывающих на перспективность применения модели телесной идентичности для объяснения механизмов и описания других типов идентичности [16].

Использование данного методического инструментария связано с нашим предположением о том, что существуют типы ГИ молодежи, обусловленные сочетанием различной степени выраженности экстремистской самоидентичности (устойчивая экстремистская, флуктуирующая экстремистская, устойчивая неэкстремистская) и патриотической самоидентичности (устойчивая патриотическая, флуктуирующая патриотическая, устойчивая непатриотическая). Таким

образом, за основу типологизации нами был взят такой параметр самоидентичности, как устойчивость.

Устойчивая патриотическая и экстремистская самоидентичности диагностировались у респондентов, выбравших в качестве ответов на соответствующие вопросы варианты «ощущаю почти всегда» или «ощущаю в полной мере». Варианты ответов «ощущаю, но очень слабо» и «иногда ощущаю, а иногда – нет» были обозначены как показатели *флуктуирующей самоидентичности*. Маркерами *устойчивой неэкстремистской и непатриотической самоидентичности* выступали ответы «совсем не ощущаю» на соответствующие вопросы.

Парное сочетание 3-х типов экстремистской и 3-х типов патриотической самоидентичности, позволяет теоретически предположить существование *9-и типов ГИ*:

1. устойчивая патриотическая в сочетании с устойчивой экстремистской идентичностью (тип «*патриот-экстремист*»);
2. устойчивая патриотическая в сочетании с флуктуирующей экстремистской идентичностью (тип «*патриот-колеблющийся экстремист*»);
3. устойчивая патриотическая в сочетании с устойчивой неэкстремистской идентичностью (тип «*патриот-неэкстремист*»);
4. флуктуирующая патриотическая в сочетании с устойчивой экстремистской (тип «*колеблющийся патриот-экстремист*»);
5. флуктуирующая патриотическая в сочетании с флуктуирующей экстремистской (тип «*колеблющийся патриот-колеблющийся экстремист*»);
6. флуктуирующая патриотическая в сочетании с устойчивой неэкстремистской (тип «*колеблющийся патриот-неэкстремист*»);
7. устойчивая непатриотическая в сочетании с устойчивой экстремистской идентичностью (тип «*непатриот-экстремист*»);
8. устойчивая непатриотическая в сочетании с флуктуирующей экстремистской идентичностью (тип «*непатриот-колеблющийся экстремист*»);

9. устойчивая непатриотическая в сочетании с устойчивой неэкстремистской идентичностью (тип «*непатриот-неэкстремист*»).

Для выявления параметров этнической идентичности (ЭИ) респондентов-представителей выделенных групп, использовались психодиагностические шкалы и методики. С помощью шкал, разработанных и апробированных Н.М.Лебедевой и А.Н.Татарко [11], диагностировались такие характеристики этнической идентичности, как *определенность и валентность*, а также выраженность *межэтнической интолерантности* (однако, шкала ответов, в отличие от оригинальных методик, имела не 7, а 5 вариантов: 1 - абсолютно не согласен, 2 – отчасти не согласен, 3 – не знаю, 4 – отчасти согласен, 5 – абсолютно согласен). При помощи опросника «Типы этнической идентичности» Г.У. Солдатовой и С.В. Рыжовой [13] диагностировалась выраженность *этнонигилизма, этнической индифферентности, позитивной этнической идентичности, этноэгоизма, этноизоляционизма и этнофанатизма* респондентов.

Эмпирическое исследование проводилось в форме очного анонимного анкетирования. Математическая обработка данных осуществлялась в программе Statistica 6.0. На первичном этапе обработки данных использовались методы описательной статистики. Далее для определения достоверности различий в уровне исследуемых признаков в выделенных группах применялся Н-критерий Краскела-Уоллиса, а для определения различий в уровне признаков при попарном сравнении групп использовался U-критерий Манна-Уитни.

Результаты и их обсуждение. Анализ и интерпретация полученных эмпирических данных осуществлялась по двум направлениям: 1) выявление степени выраженности типобразующих признаков (уровни экстремистской и патриотической самоидентичности) у респондентов и определение численного состава групп, в соответствии с описанной ранее теоретической моделью; 2) описание и сравнительный анализ особенностей ЭИ представителей выявленных типов гражданской идентичности.

По результатам эмпирического исследования гипотеза о существовании 9-и типов ГИ в зависимости от сочетания выраженности экстремистской и патриотической самоидентичности подтверждена частично: обнаружено 5 типов ГИ (табл.1). Так как среди респондентов, принимавших участие в исследовании, не было тех, кто ответил бы на вопрос-маркер экстремистской самоидентичности фразой «ощущаю почти всегда» или «ощущаю в полной мере», такие типы, как «патриот-экстремист», «колеблющийся патриот-экстремист» и «непатриот-экстремист» не были обнаружены. В связи с этим возникает закономерный вопрос о существовании в практике людей с устойчивым экстремистским самоощущением и вариативными сочетаниями данной характеристики с патриотической самоидентичностью. Возможно, устойчивую экстремистскую самоидентичность стоит исследовать на выборке молодых людей – членов действующих экстремистских организаций. Однако, в силу такой характерной черты экстремистов, как неадекватность восприятия и оценки себя [17], а также стигматизированного характера самой экстремистской идентичности, вызывает сомнение тот факт, что респонденты-экстремисты будут открыто обозначать свою принадлежность к данной группе, то есть соглашаться при анкетировании с тем, что *почти всегда* или *в полной мере* ощущают себя экстремистами. Возможно, они наоборот, будут отрицать (и/или скрывать) свою принадлежность к экстремистам, выбирая в качестве ответа фразу «совсем не ощущаю». Так или иначе, полученные результаты ставят дополнительные вопросы, которые могут найти отражение в дальнейших эмпирических исследованиях.

Таблица 1

Типы гражданской идентичности молодежи в зависимости от степени выраженности экстремистской и патриотической самоидентичности

Типообразующие показатели		Тип экстремистской самоидентичности		
		Устойчивая экстремистская	Флуктуирующая экстремистская	Устойчивая не экстремистская
Тип патриотической самоидентичности	Устойчивая патриотическая	1. Патриот-экстремист (ПЭ; 0; 0)	4. Патриот-колеблющийся экстремист (ПкЭ; 16; 5,10%)	7. Патриот-неэкстремист (ПнЭ; 177; 56,37%)
	Флуктуирующая патриотическая	2. Колеблющийся патриот-экстремист (кПЭ; 0; 0)	5. Колеблющийся патриот-колеблющийся экстремист (кПкЭ; 16; 5,10%)	8. Колеблющийся патриот-неэкстремист (кПнЭ; 91; 28,98%)
	Устойчивая не патриотическая	3. Непатриот-экстремист (нПЭ; 0; 0)	6. Непатриот-колеблющийся экстремист (нПкЭ; 0; 0)	9. Непатриот-неэкстремист (нПнЭ; 14; 4,45%)

Примечание. В скобках через точку с запятой указано: сокращенное обозначение типа, количество респондентов, относящихся к группе и процент представителей этой группы от общего числа опрошенных (314 человек).

Интересно, также, что среди респондентов с флуктуирующей экстремистской самоидентичностью не было обнаружено лиц с устойчивой непатриотической идентичностью. То есть, молодые люди, ощущающие себя экстремистами «очень слабо» или «иногда», всегда проявляли выраженную в той или иной степени патриотическую самоидентичность. С одной стороны, данный факт исключает из дальнейшего сравнительного анализа тип идентичности «непатриот-колеблющийся экстремист», а с другой стороны, ставит дополнительные вопросы и требует эмпирической проверки факта существования *непатриотич-ных экстремистов*, что может стать темой дополнительного исследования.

Таким образом, в рамках данной работы мы ограничимся описанием и сравнительным анализом психологических особенностей представителей пяти обнаруженных типов: *патриот-неэкстремист*, *патриот-колеблющийся экс-*

тремист, непатриот-неэкстремист, колеблющийся патриот-неэкстремист и колеблющийся патриот-колеблющийся экстремист.

Данные табл. 1 показывают, что для половины респондентов (56,37%) характерна *устойчивая патриотическая самоидентичность в сочетании с неэкстремистской направленностью. Колеблющихся патриотов-неэкстремистов* в два раза меньше – 28,98%. Таким образом, 85,35% опрошенных в той или иной степени ощущают себя патриотами со стабильной неэкстремистской самоидентичностью. Данные цифры позволяют сделать позитивный прогноз относительно гражданского здоровья большинства представителей современной учащейся молодежи. Однако высокий процент респондентов-неэкстремистов с флуктуирующей патриотической (28,98%) и устойчивой непатриотической самоидентичностью (4,45%) подтверждает транслируемые в научных и политических кругах выводы о кризисном характере современного патриотического и гражданского воспитания молодежи в нашей стране. Несмотря на относительную малочисленность групп молодежи с флуктуирующей экстремистской идентичностью (5,10% «ПкЭ» и 5,10% «кПкЭ»), настораживает обнаруживаемый факт *привлекательности и/или полезности* (с точки зрения функций идентичности) экстремистской идентичности для 10,20% респондентов. Опасность состоит в том, что в лице данных респондентов действующие экстремисты могут найти сочувствующую поддержку и/или потенциальных соратников в будущем.

Попытавшись проникнуться гражданскими настроениями, характерными для представителей выявленных типов, мы предположили обоснованность следующих обозначений, отражающих отношение и роль представителей выявленных типов в поддержании социального порядка и обеспечения стабильности и поступательного развития общества:

1. «Нормативный тип ГИ» (патриоты-неэкстремисты).
2. «Проблемный тип ГИ» (колеблющиеся патриоты-неэкстремисты).
3. «Индиферентный тип ГИ» (непатриоты-неэкстремисты).

4. Разрушительно-прогнозируемый тип ГИ (патриоты-колеблющиеся экстремисты).

5. Разрушительно-непредсказуемый тип ГИ (колеблющиеся патриоты-колеблющиеся экстремисты).

На втором этапе обработки данных перед нами стояла задача сравнительного анализа и описания особенностей этнической идентичности представителей выявленных типов. Психологическое своеобразие групп по обозначенным в гипотезе характеристикам, доказывающее обоснованность предложенного типологического деления, подтверждено в ходе определения достоверности различий в уровне исследуемых признаков с помощью Н-критерия Краскела-Уоллиса (в программе Statistica 6.0). В результате получены статистически достоверные различия представленных групп (ПнЭ, кПнЭ, нПнЭ, ПкЭ, кПкЭ) в уровнях выраженности следующих признаков: определенность ($N = 25,228$, $p = 0,0000$) и валентность ($N = 35,660$, $p = 0,0000$) этнической идентичности, межэтническая интолерантность ($N = 35,660$, $p = 0,0000$), этническая индифферентность ($N = 10,02$, $p = 0,0401$), этнонигилизм ($N = 19,390$, $p = 0,0007$), этнофанатизм ($N = 13,810$, $p = 0,0079$), позитивная этноидентичность ($N = 12,746$, $p = 0,0126$). Различий в уровне этноэгоизма и этноизоляционизма представителей указанных групп не выявлено.

Для более детального анализа обратимся к результатам, полученным с помощью методов описательной статистики, в частности – расчета средних значений по исследуемым параметрам для каждой из групп, а также результатам попарного сравнения выявленных групп с использованием U-критерия Манна-Уитни (в программе Statistica 6.0).

Представленные в табл. 2 результаты значительно расширяют возможности описания и анализа выявленных типов ГИ.

Таблица 2

**Средние значения показателей этнической идентичности у представителей
выделенных типов гражданской идентичности**

Признаки	Типы гражданской идентичности				
	ПнЭ ¹	кПнЭ ²	нПнЭ ³	ПкЭ ⁴	кПкЭ ⁵
Определенность этнической идентичности (5)	4,42 ^{2,3}	4,10	3,77	4,27	4,17
Валентность этнической идентичности (5)	4,40 ^{2,3,4,5}	3,95	3,79	3,98	3,52
Межэтническая интолерантность (5)	2,75	2,93 ³	2,29	3,07	3,32 ^{1,3}
Этнонигилизм (20)	4,06 ^{2,3,5}	5,60	6,92	4,93	5,87
Этническая индифферентность (20)	9,52 ²	10,81	12,92 ^{1,2,4}	9,93	10,60
Позитивная этноидентичность (20)	15,20	14,57	15,15	14,87	11,80 ^{1,2,3,4}
Этноэгоизм (20)	7,52	6,70 ⁴	7,08	9,07	8,00
Этноизоляционизм (20)	6,85	5,96	5,69	8,47	7,87
Этнофанатизм (20)	8,45	6,64 ^{1,4}	7,92	10,27	9,27

Примечания. 1) пронумерованные обозначения типов гражданской идентичности: ПнЭ¹ – патриот-неэкстремист, кПнЭ² – колеблющийся патриот-неэкстремист, нПнЭ³ – не-патриот-неэкстремист, ПкЭ⁴ – патриот-колеблющийся экстремист, кПкЭ⁵ – колеблющийся патриот-колеблющийся экстремист; 2) в скобках после каждого признака указано максимально возможное значение по шкале; 3) жирным шрифтом выделены наибольшие, а жирным курсивом – наименьшие значения признаков среди сравниваемых групп; 4) ^{1,2,3,4,5} номера типов гражданской идентичности, с которыми обнаружены значимые различия по U-критерию Манна-Уитни.

Анализ иерархической структуры типов ЭИ в группах позволяет сделать вывод о том, что наибольший средний балл во всех группах имеет *позитивная этноидентичность*, то есть данный тип, характеризующийся сочетанием предпочтения собственных этнокультурных ценностей, образа жизни с позитивным отношением к другим этническим группам, доминирует в структуре этноидентичности респондентов всех пяти групп. Однако системный анализ всех показателей ЭИ свидетельствует все же о том, что позитивное отношение к своей национальности присуще в большей степени програжданскому типу «ПнЭ» (для его представителей характерен наибольший средний балл по определенности, валентности и уровню позитивной этноидентичности, а также наименьший по

уровню этнонигилизма и этнической индифферентности, среди сравниваемых групп) (табл. 2). Межэтническая интолерантность у патриотов-неэкстремистов имеет среднюю степень выраженности и наименьший средний балл, среди других патриотически-ориентированных типов. Таким образом, тезис о нормативности типа «патриот-неэкстремист» находит свое подтверждение: респонденты данной группы имеют четкое представление о своей этнокультурной принадлежности, позитивно ее оценивают, наряду с этим признают самобытность других народов и выражают готовность к продуктивным контактам с представителями других этногрупп. Предполагать настроенность патриотов-неэкстремистов на позитивное межэтническое взаимодействие нам позволяют следующие показатели: выраженная позитивная этноидентичность данных респондентов, средний уровень межэтнической интолерантности, достаточно низкий уровень этноэгоизма, этноизоляционизма и этнофанатизма в сочетании со средним уровнем этноиндифферентности, которая связана с нивелированием значения национальности в повседневном общении и признанием отсутствия каких-либо различий у наций.

Самый высокий уровень межэтнической интолерантности среди представленных групп (и средний относительно пятибалльной шкалы) характерен для респондентов с флуктуирующей патриотической и экстремистской самоидентичностью («кПкЭ») (различия с типами «ПнЭ» и «нПнЭ» значимы на уровне $p < 0,05$). Соответственно респонденты с колеблющейся экстремистской и патриотической самоидентичностью в меньшей степени ориентированы на продуктивное межэтническое взаимодействие. К тому же, они, четко *осознавая* свою этническую принадлежность к русским (определенность этноидентичности), отличаются амбивалентностью чувств относительно факта данной принадлежности и самым низким уровнем позитивной этноидентичности среди 5-и сравниваемых групп (с нормативным типом «ПнЭ» различия значимы на уровне $p < 0,001$ (!), с «кПнЭ» – на уровне $p < 0,01$, с «ПкЭ» и «нПнЭ» – на уровне $p < 0,05$). Таким образом, субъективно-воспринимаемое «чужое» положение ко-

леблющихся патриотов-колеблющихся экстремистов в собственной этногруппе в сочетании с низкой позитивной этноидентичностью и выраженной этнической интолерантностью, позволяют прогнозировать проблемный характер как внутриэтнического, так и межэтнического взаимодействия, с их участием. Межэтническая интолерантность (также как и внутриэтническая) в данном случае связана скорее не с необходимостью защиты позитивного образа своей группы, а выступает механизмом психологической защиты самого себя (как оправдание своих *индивидуальных* трудностей и неудач). Факт существования данного механизма (сценария формирования этнической интолерантности) описывается многими исследователями: в частности был обнаружен М.А. Козловой в группе русской молодежи, в сравнении с представителями хантов и манси [8]. Таким образом, анализируя полученные данные в сочетании с результатами исследования связи социально-психологической адаптации и ЭИ [6], можно предположить, что уровень общего психологического благополучия и социально-психологической адаптации у респондентов с неустойчивой патриотической и экстремистской самоидентичностью («КПкЭ») будет значительно ниже, нежели у представителей нормативного типа «патриот-неэкстремист» и, возможно, других типов.

Обратимся к анализу параметров ЭИ респондентов, относящихся к типу «КПкЭ». Четко выраженное представление о своей этнопринадлежности (определенность), позитивная оценка данной принадлежности (валентность), высокий в сравнении с другими группами уровень межэтнической интолерантности в сочетании с низким этнонигилизмом и выраженными, по сравнению с остальными группами, этноэгоизмом, этноизоляционизмом и этнофанатизмом, позволяют сделать вывод о низкой готовности патриотов-колеблющихся экстремистов к продуктивным межэтническим контактам, что, вероятно, связано с высоким уровнем межэтнической дифференциации у представителей данной группы и выраженным групповым фаворитизмом. Причем, межэтническая интолерантность в данном случае будет, скорее всего, выступать в качестве механизма

психологической защиты позитивного образа своей группы и формироваться по другому сценарию, нежели у описанных нами ранее представителей типа «кПкЭ».

Проведем анализ этнических показателей респондентов из числа неэкстремистов с колеблющейся патриотической самоидентичностью («кПнЭ»). Несмотря на то, что показатели определенности и валентности ЭИ у колеблющихся патриотов-неэкстремистов достаточно высокие (табл. 2), в сравнении с представителями нормативного типа эти молодые люди все же в меньшей степени осознают свою этническую принадлежность (определенность ЭИ) ($p < 0,001$) и менее позитивно относятся к ней (валентность ЭИ) ($p < 0,001$). Эти данные свидетельствуют о кризисе ЭИ и возможно фрустрации органической потребности в безопасности этноидентичности, что нарушает ощущение общей психологической безопасности и стабильности [6; 11; 14]. К тому же, средние значения по шкалам «этноэгоизм» и «этнофанатизм» у колеблющихся патриотов-неэкстремистов самые низкие среди представленных групп и имеют статистически достоверные различия с уровнем этноэгоизма ($p < 0,05$) и этнофанатизма ($p < 0,01$) респондентов типа «ПкЭ» и выраженностью этнофанатизма у патриотов-неэкстремистов ($p < 0,01$). Таким образом, респонденты типа «кПнЭ» в меньшей степени, нежели представители нормативного типа или патриоты-колеблющиеся экстремисты, ощущают превосходство своей этногруппы над другими, признают приоритет интересов нации над интересами человека и в меньшей степени склонны к любым действиям для защиты прав и свобод своей этногруппы. Наряду с этим, колеблющиеся патриоты-неэкстремисты предсказуемо отличаются от нормативного типа меньшей определенностью и валентностью ЭИ. Таким образом, закономерным и ожидаемым является положительная связь выраженности патриотической самоидентичности с определенностью и валентностью этнической идентичности: чем выше уровень самоощущения себя патриотом, тем более четким является представление респондентов о своей этнокультурной принадлежности и тем выше ее позитивная оценка. Вопрос

относительно уровня межэтнической интолерантности колеблющихся патриотов-неэкстремистов остается открытым в силу некоторой противоречивости полученных показателей. Логично было бы предположить, что меньшая идентификация с представителями собственной национальности респондентов типа «кПнЭ» способствует ослаблению механизмов межгрупповой дифференциации и соответственно – снижению уровня межэтнической интолерантности, однако по показателям мы этого не наблюдаем (табл. 2). Напротив, средний балл по уровню межэтнической интолерантности у них выше, нежели у нормативной группы (однако статистически достоверных различий здесь все же не обнаружено). Возможно, снижение определенности ЭИ, наряду с меньшей позитивной окрашенностью факта принадлежности к русской нации (в основе которой лежит амбивалентная оценка ее представителей) может провоцировать у колеблющихся патриотов-неэкстремистов развитие межэтнической интолерантности со смещенным вектором в сторону своей (русской), при этом *субъективно слабо осознаваемой* в качестве *своей*, нации. Как отмечено во многих психологических исследованиях, наличие интолерантности хотя бы к одной этногруппе скорее является признаком общей личностной интолерантности и позволяет прогнозировать ее проявление и к представителям других этносов [14; 15]. Поэтому интолерантность к «своей» этногруппе у респондентов типа «кПнЭ» наверняка будет положительно связана с интолерантностью к другим этнограммам. Однако данные предположения требуют дополнительной эмпирической проверки.

Теперь обратимся к анализу самого неоднозначного, на наш взгляд, типа «непатриот-неэкстремист». С одной стороны выраженная неэкстремистская самоидентичность может свидетельствовать о програжданской позиции. Однако, не ощущая себя экстремистом, респондент типа «нПнЭ» отвечает, что *совсем не ощущает себя и патриотом*. Налицо – проблемный характер этнической и гражданской идентичности. Понять психологическую специфику респондентов данного типа поможет обращение к анализу характеристик этнической иден-

тичности. Степень субъективного осознания себя в качестве представителя своей этнокультурной общности (этническая определенность) у непатриотов-неэкстремистов самая маленькая среди сравниваемых групп (средняя по пятибалльной шкале) и значительно отличается от этнической определенности нормативной группы ($p < 0,01$). Позитивный эмоциональный компонент этнической идентичности (валентность) непатриотов-неэкстремистов тоже менее выражен в сравнении с показателями патриотов-неэкстремистов ($p < 0,01$). Интересно, что выраженность позитивной (нормы) ЭИ у респондентов типа «нПнЭ» выше среднего и не имеет различий с показателями нормативного типа (ПнЭ), в то время как уровень этнонигилизма ($p < 0,05$) и этнической индифферентности ($p < 0,001$) у непатриотов-неэкстремистов, в отличие от респондентов типа «ПнЭ» значительно выше. И в одной и в другой группе показатель этнонигилизма находится на достаточно низком уровне (средний балл 4,06 у «ПнЭ» и 6,92 – у «нПнЭ» при максимальном значении по шкале – 20). Но, все же, у непатриотов-неэкстремистов удовлетворенность своим народом, взаимоотношениями, которые складываются у них с представителями своей этногруппы, и в целом уровень удовлетворенности своей национальной принадлежностью ниже, чем у патриотов-неэкстремистов. Что касается этноиндифферентности, то ее выраженность у непатриотов-неэкстремистов выше среднего (средний балл – 12,92 при максимальном значении по шкале – 20). Опираясь на содержание вопросов, соответствующих шкале «этническая индифферентность» можно сделать вывод о том, что непатриоты-неэкстремисты в большей степени, нежели патриоты-неэкстремисты считают, что «в повседневном общении национальность не имеет значения», «не отдают предпочтения какой-либо национальной культуре, включая и свою собственную», «безразлично относятся к своей национальной принадлежности», «не относятся серьезно к межнациональным проблемам», «считают, что их народ не хуже и не лучше других народов» [13].

Показателен тот факт, что средний балл по шкале межэтнической интолерантности в группе непатриотов-неэкстремистов самый низкий среди представ-

ленных групп и ниже среднего в целом (табл. 2). К тому же группа непатриотов-неэкстремистов имеет статистически достоверные различия по обозначенному показателю с группами «кПнЭ» и «кПкЭ» ($p < 0,05$). Решение обозначенного противоречия между кризисным характером ЭИ и низкой межэтнической интолерантностью, на наш взгляд, может лежать в следующем: возможно, данная позиция непатриотов-неэкстремистов является своеобразным защитным механизмом, реакцией на фрустрацию потребности в позитивной ЭИ, в связи с чем отрицается значимость этничности вообще, не признаются межгрупповые различия и межгрупповая дифференциация по этническому признаку, и как следствие – проявляется низкий уровень межэтнической интолерантности (так как вопросы шкалы основаны на признаках межэтнической дифференциации). И тогда данный уровень межэтнической интолерантности является следствием компенсаторного отрицания межгрупповых различий, а не признаком терпимости. Однако эти выводы требуют дополнительной эмпирической проверки.

Выводы. Подводя итог статьи, отметим основные результаты, полученные в ходе работы и выводы, к которым мы пришли:

1. В ходе эмпирического исследования подтверждена гипотеза о существовании типов гражданской идентичности, обусловленных сочетанием различной степени выраженности экстремистской и патриотической самоидентичности, выявлены и описаны 5 типов гражданской идентичности: патриот-неэкстремист, патриот-колеблющийся экстремист, колеблющийся патриот-неэкстремист, колеблющийся патриот-колеблющийся экстремист, непатриот-неэкстремист. Наиболее распространены среди молодежи типы «патриот-неэкстремист» и «колеблющийся патриот-неэкстремист», другие 3 типа встречаются значительно реже, что отражает благоприятную ситуацию в отношении прогноза гражданского здоровья современной молодежи.

2. Обоснованность выделения типов гражданской идентичности на основе показателей выраженности экстремистской и патриотической самоидентичности косвенно была подтверждена при оценке различий характеристик этни-

ческой идентичности представителей выявленных типов. Получены статистически достоверные различия представленных групп в уровнях выраженности определенности и валентности этнической идентичности, межэтнической интолерантности, этнической индифферентности, этнонигилизма, этнофанатизма, позитивной этноидентичности (Н-критерий Краскела-Уоллиса). Различий в уровне этноэгоизма и этноизоляционизма у представителей указанных групп не обнаружено, таким образом, можно сделать вывод об однородности выявленных типов в отношении показателей этноэгоизма и этноизоляционизма.

3. Нормативным гражданским типом признан тип «патриот-неэкстремист». Для его представителей характерны: четкое представление о своей этнокультурной принадлежности, ее позитивная оценка, признание самобытности и самоценности других народов, готовность к продуктивным контактам с представителями других этногрупп. Другие выявленные типы имеют признаки кризисного характера гражданской и этнической идентичности, а типы «патриот-колеблющийся экстремист» и «колеблющейся патриот-колеблющийся экстремист» в связи с выраженным экстремистским самоощущением потенциально несут в себе опасность и разрушительный потенциал, в результате чего требуют особого внимания и изучения.

4. Респонденты типа «колеблющийся патриот-колеблющийся экстремист», несмотря на выраженную определенность этноидентичности, отличаются амбивалентностью чувств относительно факта этнопринадлежности, самым низким уровнем позитивной этноидентичности среди сравниваемых групп и выраженной этнической интолерантностью, что позволяет прогнозировать конфликтность как внутриэтнического, так и межэтнического взаимодействия с их участием.

5. «Патриоты-колеблющиеся экстремисты» характеризуются четко выраженным представлением о своей этнопринадлежности, ее позитивной оценкой, но, при этом, высоким, в сравнении с другими, уровнем межэтнической интолерантности, низким этнонигилизмом и выраженными этноэгоизмом, этноизо-

ляционизмом и этнофанатизмом, что позволяет сделать вывод о низкой готовности патриотов-колеблющихся экстремистов к продуктивным межэтническим контактам, обусловленной, вероятно, высоким уровнем межэтнической дифференциации и выраженным групповым фаворитизмом.

6. «Колеблющиеся патриоты-неэкстремисты» в сравнении с представителями нормативного типа отличаются меньшей определенностью и валентностью этнической идентичности, наиболее выраженным этнонигилизмом, этнической индифферентностью и более высоким уровнем межэтнической интолерантности, что является признаками кризиса этнической и гражданской идентичности в целом.

7. Тип «непатриот-неэкстремист», отличающийся гражданской индифферентностью, является наиболее неоднозначным. От нормативного типа его представителей отличает меньшая определенность и валентность этноидентичности, более выраженный этнонигилизм в сочетании с этнической индифферентностью. При этом уровень межэтнической интолерантности у непатриотов-неэкстремистов самый низкий среди выявленных групп. В связи с этим дополнительной эмпирической проверки требуют выводы о кризисном характере этнической и гражданской идентичности молодых людей с устойчивой неэкстремистской и непатриотической самоидентичностью, а также о причинах их низкой межэтнической интолерантности.

Список литературы

1. Аминов Д.И., Оганян Р.Э. Молодежный экстремизм. М.: Триада, Лтд, 2005. 196 с.
2. Андреева Г.М. Презентации идентичности в контексте взаимодействия // Психологические исследования. 2012. Т. 5. № 26. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 02.07.2013).
3. Андреева Г.М. Психология социального познания. М.: Аспект-пресс, 2004. 288 с.

4. Антонян Ю.М. Экстремизм и его причины. М.: Логос, 2011. 288 с.
5. Гостев А.А. Патриотизм как духовно-нравственное качество личности // Современная личность: психологические исследования. / Отв. редакторы Воловикова М.И., Харламенкова Н.Е. М.: ИП РАН, 2012. 392 с. С. 100 – 117.
6. Гриценко В.В. Этническая идентичность и социально-психологическая адаптация // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2006. №1-2. Т. 6. С. 62-70.
7. Дробижева Л. М. Идентичность и этнические установки русских в своей и иноэтнической среде // Социологические исследования. 2010. № 12. С. 49-58.
8. Козлова М.А. Взаимосвязь этнической идентичности, толерантности и личностной зрелости. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2004. 239 с.
9. Кольцова В.А., Соснин В.А. Социально-психологические проблемы патриотизма и особенности его воспитания в современном российском обществе // Психологический журнал. 2005. Т. 26. №4. С. 89-97.
10. Красиков В.И. Экстрим: Междисциплинарное философское исследование причин, форм и паттернов экстремистского сознания. М.: Водолей Publishers, 2006. 496 с.
11. Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Этническая идентичность, статус группы и тип расселения как факторы межгрупповой толерантности // Психологический журнал. 2005. Т. 26. №3. С. 51-64.
12. Лукьянов О.В. Самоидентичность как условие устойчивости человека в меняющемся мире: Дис. ... д-ра психол. наук. Томск, 2009. 289 с.
13. Психодиагностика толерантности личности / Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А., Прокофьева Т.Ю., Кравцова О.А. М.: Смысл, 2008. 172 с.
14. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998. 389 с.
15. Стефаненко Т.Г. Социальная психология этнической идентичности: Дис. ... д-ра психол. наук. М.: МГУ, 1999. 528 с.

16. Тхостов А.Ш., Рассказова Е.И. Идентичность как психологический конструкт: возможности и ограничения междисциплинарного подхода // Психологические исследования. 2012. Т. 5. № 26. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 02.07.2013).

17. Юрасова Е.Н. Психологические особенности лиц, склонных к экстремизму, терроризму и ксенофобии // Юридическая психология. 2008. № 4. С. 27-35.

18. Яхьяев М.Я. Экстремизм как особое состояние психики // Дагестанская правда. № 121. 25 апреля 2008 г.

19. Moghaddam F.M. From the Terrorist Point of View: What Thy Experience and Why Thy Come to Destroy. Praeger, Security international General Interest-Cloth, 2006. 250 p.

20. Moscovici S. The phenomenon of social representations. In: R.M. Farr and S. Moscovici (Eds.) Social Representations. Cambridge University Press, 1984. pp. 3-70.

21. Tajfel H. Social categorization, social identity and social comparison // Differentiation between social groups / Ed. by H. Tajfel. London: Academic. 1978. pp. 61-76.

22. Taylor D. The Quest for Identity. From minority groups to Generation Xers. Praeger, 2002.

References

1. Aminov D.I., Oganyan R.E. *Molodezhnyy ekstremizm* [Youth extremism]. Moskow, 2005. 196 p.

2. Andreeva G.M. *Psihologicheskie issledovanija* [Psychological Studies], no 26. Т. 5. (2012). URL: <http://psystudy.ru> (accessed July 2, 2013).

3. Andreeva G.M. *Psikhologiya sotsial'nogo poznaniya* [Psychology of social knowledge]. Moskow, 2004. 288 p.

4. Antonjan Ju.M. *Jekstremizm i ego prichiny* [Extremism and his reasons]. Moskow, 2011. 288 p.
5. Gostev A.A. In: *Sovremennaja lichnost': psihologicheskie issledovanija* [Modern personality: psychological researches] Volovikova M.I., Harlamenkova N.E. (Ed.) Moskow, 2012. 392 p. pp. 100 – 117.
6. Gricenko V.V. *Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija: Filosofija. Psihologija. Pedagogika* [Information of the Saratov University/ New series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogics], no. 1-2. T. 6. (2006): 62-70.
7. Drobizheva L. M. *Sociologicheskie issledovanija* [Sociological researches], no. 12. (2010): 49-58.
8. Kozlova M.A. *Vzaimosvjaz' jetnicheskoj identichnosti, tolerantnosti i lichnostnoj zrelosti* [Interrelation of ethnic identity, tolerance and personal maturity]. Moskow, 2004. 239 p.
9. Kol'cova V.A., Sosnin V.A. *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological journal], no. 4. T. 26. (2005): 89-97.
10. Krasikov V.I. *Jekstrim: Mezhdisciplinarnoe filosofskoe issledovanie prichin, form i patternov jekstremistskogo soznanija* [Extreme: Interdisciplinary philosophical research of the reasons, forms and patterns of extremist consciousness]. Moskow, 2006. 496 p.
11. Lebedeva N.M., Tatarko A.N. *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological journal], no. 3. T. 26. (2005): 51-64.
12. Luk'janov O.V. *Samoidentichnost' kak uslovie ustojchivosti cheloveka v menjajushhemsja mire* [Self-identity as a condition of stability of the person in the changing world]. Tomsk, 2009. 289 p.
13. *Psihodiagnostika tolerantnosti lichnosti* [Psychological diagnostics of tolerance of the personality] / Soldatova G.U., Shajge-rova L.A., Prokof'eva T.Ju., Kravcova O.A. Moskow, 2008. 172 p.
14. Soldatova G.U. *Psihologija mezhjetnicheskoj naprjazhennosti* [Psychology of interethnic intensity]. Moskow, 1998. 389 p.

15. Stefanenko T.G. *Social'naja psihologija jetnicheskoi identichnosti* [Social psychology of ethnic identity]. Moscow, 1999. 528 p.
16. Thostov A.Sh., Rasskazova E.I. *Psihologicheskie issledovanija* [Psychological Studies], no. 26. T. 5. (2012). URL: <http://psystudy.ru> (accessed July 2, 2013).
17. Jurasova E.N. *Juridicheskaja psihologija* [Legal psychology], no. 4 (2008): 27-35.
18. Jah'jaev M.Ja. *Dagestanskaja Pravda* [Dagestan truth], no. 121. April 25, 2008.
19. Moghaddam F.M. *From the Terrorist Point of View: What Thy Experience and Why Thy Come to Destroy*. Praeger, Security international General Interest-Cloth, 2006. 250 p.
20. Moscovici S. In: *Social Representations*. Cambridge University Press, 1984. pp. 3-70.
21. Tajfel H. In: *Differentiation between social groups* H. Tajfel (Ed.). London: Academic. 1978. pp. 61-76.
22. Taylor D. *The Quest for Identity. From minority groups to Generation Xers*. Praeger, 2002.

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Мурашченкова Надежда Викторовна, старший преподаватель кафедры общей и социальной психологии

Смоленский гуманитарный университет

ул. Герцена, д.2, Смоленск, Смоленская область, 214014, Россия

e-mail: murashchenkova.n@yandex.ru

SPIN-код в SCIENCE INDEX: 2093-6023

DATA ABOUT THE AUTHOR

Murashchenkova Nadezhda Viktorovna, senior teacher of chair of the general and social psychology

Smolensk Humanitarian University

Herzen's street, d.2, Smolensk, the Smolensk region, 214014, Russia

e-mail: muraschenkova.n@yandex.ru

Рецензент:

Гриценко Валентина Васильевна, заведующая кафедрой общей и социальной психологии Смоленского гуманитарного университета, доктор психологических наук, профессор